

Ю. М. Антонян*,
М. В. Гончарова**,
Е. Б. Кургузкина***

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Исследованы уголовно-правовые и криминологические вопросы, особое внимание уделено причинам убийства матерью новорожденного ребенка, при этом высказано предположение, что причиной этого преступления является отсутствие у матери инстинкта материнства, что носит биологический характер и является необходимым условием продолжения человеческого рода. Приведены данные, характеризующие личность виновных и обстоятельств совершаемых ими преступлений. Выделяются внешние обстоятельства, выступающие в роли условий, толкающих женщин к этому деянию. В числе таких обстоятельств: осуждение родственников и знакомых, отсутствие жилья и материальных средств и иные обстоятельства, якобы препятствующие осуществлению материнских функций. Все эти обстоятельства оценены в криминологическом значении как условия. Выделены социально-демографические данные о личности женщин, убивших новорожденных, некоторые из этих данных представлены в динамике. Также в динамике дано состояние названных убийств.

Ключевые слова: убийство матерью новорожденного ребенка; мотивы убийств новорожденных; причины убийств новорожденных и условия, им способствующие; инстинкт материнства; бессознательное в психике.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.094-114

© Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б., 2018

* Антонян Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации antonyaa@yandex.ru

125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а

** Гончарова Мария Витальевна, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

maria-g2009@yandex.ru

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25

*** Кургузкина Елена Борисовна, доктор юридических наук, профессор Центрального филиала Российского университета правосудия

torbagan1@mail.ru

394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 95

1

Уголовный кодекс России (ст. 106) устанавливает уголовную ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Поэтому необходимо уяснить содержание элементов уголовно-правового состава этого преступления. Это имеет большое значение для дальнейшего совершенствования уголовного закона, а также разработки криминологических проблем, в том числе предупреждения данного преступления.

Родовым и видовым объектом при убийстве новорожденных является жизнь человека. Нам, конечно, известно, что наиболее распространенной в науке точкой зрения на объект преступления являются общественные отношения, охраняющие ту или иную ценность. Но такой подход к объекту является размытым, неконкретным, ведь вместо «жизнь» можно поставить «здоровье», «собственность», «общественный порядок» и т.д. Непосредственным объектом данного преступления является жизнь новорожденного ребенка.

Если определение факта наличия жизни взрослого потерпевшего до его убийства не вызывает особых затруднений, то иначе обстоит дело в отношении новорожденного. В законе это понятие не раскрывается, а в науке является спорным.

Несомненную важность приобретает вопрос о разграничении понятий детоубийства и аборта, начале жизни младенца, а следовательно, и связанной с этим уголовно-правовой охране его жизни. Сложность отграничения аборта от детоубийства состоит в том, что и плод, и новорожденный ребенок являются собой различные уровни биологической организации жизни, поэтому невозможно однозначно провести между ними границу.

Общеизвестно, что биологическое развитие человеческого организма начинается с пренатального периода. До момента родов плод составляет единое целое с организмом беременной женщины, в связи с чем и считается, что «мать — человек, плод — не человек».

Представляется, что, когда речь идет об уничтожении плода до наступления родов, он остается лишь частью матери и не может рассматриваться самостоятельно.

В уголовно-правовой литературе не существует единого мнения о четкой границе, которая полностью соответствовала бы биологическим признакам возникновения жизни человека и одновременно была бы приемлемой для юридического решения вопроса о том, имелось ли в данном случае убийство ребенка или же имело место истребление продукта зачатия. Такое положение объясняется тем, что невозможно ответить на вопрос, что такое жизнь и по каким признакам можно определить, является ли данный объект живым или мертвым.

Способность плода к внеутробной жизни появляется значительно раньше начала процесса родов. Поэтому необходимо отличать медицинский аборт (искусственное прерывание беременности) от искусственных преждевременных родов. В медицинской литературе аборт признается преждевременное прерывание беременности и изгнание плода, еще неспособного к внеутробному существованию, в течение первых 28 недель (при этом аборт в течение первых 12 недель называется искусственным прерыванием беременности в ранние сроки, проводится по желанию женщины; а свыше этого срока — искусственным прерыванием беременности в поздние сроки). Медицинское прерывание беременности в период от 28 до 38—39 недель, т.е. ранее обычного срока в 40 недель, считается искусственными преждевременными родами. В период от 28 до 38 недель продукт зачатия, хотя еще и не доношен, однако считается жизнеспособным, если не имеется каких-либо препятствующих этому болезненных явлений в период его пренатального развития. В настоящее время нередки случаи выживания и нормального развития детей, родившихся между 26 и 28 неделями беременности, которые называются пограничными плодами. Если такой плод весит более 1 000 г, а также если появляется на свет в результате преждевременных родов плод возрастом более 28 недель, в обоих случаях подобный продукт зачатия считается жизнеспособным ребенком и подлежит регистрации.

Следовательно, признаком, отделяющим медицинское понятие аборта от преждевременных родов, является жизнеспособность плода.

Но достижение продуктом зачатия в своем пренатальном развитии стадии жизнеспособности еще нельзя оценивать как начало жиз-

ни человека при конструкции состава ст. 106 УК РФ¹.

До наступления родов даже жизнеспособный плод составляет одно целое с беременной женщиной и поэтому в данной ситуации говорить об объекте убийства еще нельзя, поскольку самостоятельное существование человека еще не наступило. Подобные действия нельзя называть убийством, хотя и допустимо, что в процессе прерывания беременности происходит истребление жизнеспособного плода, т.е. лишают возможной жизни будущего ребенка.

Рассматривая отграничение криминального аборта от умышленного убийства, следует помнить, что понятие криминального аборта значительно шире понятия медицинского аборта. Криминальный аборт охватывает не только искусственное прерывание беременности в течение первых 28 недель после зачатия, но и после этого срока, когда плод уже способен к внеутробному существованию, хотя естественные или преждевременные роды еще не наступили.

В связи с этим детоубийством следует признавать и действия, направленные на лишение жизни младенца, рождающегося в результате вызванных искусственно поздним криминальным абортom преждевременных родов. Поэтому к числу спорных относится вопрос о квалификации криминального аборта, приведшего к преждевременным родам и последующему детоубийству. Одни авторы считают, что в подобных ситуациях имеется только состав убийства младенца, другие предлагают квалифицировать эти деяния как совокупность составов незаконного производства аборта и убийства новорожденного.

Последняя точка зрения представляется более верной, так как криминальный аборт, вызвавший преждевременные роды, остается самостоятельным преступлением, независимо от следующего после него уничтожения младенца во время или после родов. Беременная женщина, которой производился криминальный аборт, не может нести ответственность за

него по закону, а также не могут быть квалифицированы действия других лиц, кроме матери новорожденного, совершивших убийство ребенка, по нормам, предусматривающим ответственность за детоубийство (ст. 106 УК РФ).

С древних времен жизнь человека отсчитывалась с момента зачатия. Перинатальный период существования младенца включает время от 28 недель беременности до 168 часов жизни новорожденного вне тела матери. Считалось, что наиболее достоверным доказательством наличия жизни должно быть признано дыхание. Многие авторы полагают, что нельзя отождествлять начало жизни только с дыханием. Г. Шарипова вообще считала неправомерным давать юридическое определение жизни. Она полагала, что надо основываться на биологическом и медицинском критериях — жизнь начинается с первым вдохом. Следовательно, действия против плода во время прохождения его по родовым путям, а также рожденного, но не начавшего дышать, нельзя считать действиями против жизни человека². М. Д. Шаргородский начало жизни связывал с началом дыхания и с моментом отделения пуповины³.

В литературе имеются и другие точки зрения. Так, Н. С. Таганцев справедливо отмечал, что наличность жизни не определяется исключительно дыханием, а потому несуществование дыхания в младенце не сводит на нет возможности признания его живым. По мнению Н. С. Таганцева, могут быть случаи, когда ребенок и вне утробы женщины может продолжать жизнь, подобную внутриутробной, т.е. через кровообращение, как, например, в случаях мнимой смерти; такой младенец как в медицинском, так и в юридическом отношении должен рассматриваться в качестве живого человека; наравне с ним должен быть поставлен младенец, убитый во время родов, который не может быть признан плодом, находящимся в утробе и у которого все же процесс дыхания еще не начался, признаки жизни во всех этих случаях обнаруживаются несравненно труднее, но это раскрытие не является невозможным⁴.

¹ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Шарипова Г. Уголовная ответственность за детоубийство по УК УзССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 13.

³ Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 59 ; Гродзинский М. М. Преступления против личности : Текст и комментарий ст. 142—165, 172—179 Уголовного кодекса. М., 1924. С. 4.

⁴ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб., 1873. Т. 2. С. 34.

Ряд авторов полагает, что началом жизни человека следует считать сам процесс рождения, т.е. процесс постепенного появления ребенка⁵. Другие связывают начало жизни с началом физиологических родов. Их началом в медицинской литературе считают появление регулярных схваток, сглаживание шейки матки и раскрытие маточного зева, отхождение слизи, образование плодного пузыря. В этот момент никакая часть тела ребенка еще не появилась из утробы матери и вряд ли можно начинать отсчет жизни человека с этого момента. Можно говорить только о плоде, и действия по его уничтожению нельзя квалифицировать как убийство.

Более последовательную позицию по поводу жизненности младенца занимают ученые, полагающие, что началом жизни человека можно считать появление какой-либо его части из утробы матери, когда он еще не начал самостоятельной внеутробной жизни. Поэтому нанесение смертельной раны в голову рождающемуся младенцу следует рассматривать не как прерывание беременности, а как убийство человека⁶, если ребенок не был бы рожден мертвым.

Обобщая имеющиеся в литературе точки зрения по поводу уяснения начала жизни, можно сделать вывод, что жизненность начинается не просто с момента начала физиологических родов, не только с момента появления самостоятельного дыхания, а с момента появления какой-либо части тела ребенка из утробы матери, если при этом ребенок в этот момент не был мертв, т.е. в нем не остановились соответствующие физиологические процессы: действовала центральная нервная система и в коре головного мозга не наступил необратимый распад белковых тел.

Долгие годы в юридической науке существует позиция, что мерилем начала новорожденности является появление части ребенка из утробы женщины, а конца — окончание особого психофизического состояния женщины-роженицы, вызванного родами, о чем могут свидетельствовать действия по ее уходу за ребенком и сохранению его жизни.

Э. Ф. Побегайло обращает внимание на три критерия новорожденности: педиатрический, акушерский и судебно-медицинский. При этом в педиатрии он равен одному месяцу с момента констатации живорожденности, в акушерстве этот срок равен одной неделе, в судебной медицине — одним суткам⁷.

Связывание новорожденности с психотравмирующей ситуацией, в которую попала ставшая в будущем убийцей, или с состоянием ее психического расстройства, не исключающего вменяемости, представляется достаточно спорным. Нельзя принимать за основу определения состояния новорожденности психическое состояние самой роженицы. Послеродовой период у женщины может длиться 6—8 недель. В любой момент этого периода у нее может наступить расстройство психики, не исключающее вменяемости. Применение при этом педиатрического критерия новорожденности, равного одному месяцу, ничем не оправдано. Если делать мерилем период ограниченной вменяемости женщины-детоубийцы, то тогда следует считать младенца новорожденным до полного выхода женщины из этого состояния. Однако если психическое расстройство, связанное с родами, может возникнуть у женщины во время родов или в течение послеродового периода, то окончание этого болезненного состояния психики ограничить временными рамками невозможно: оно может длиться достаточно долго, исчисляться даже годами.

Можно признать справедливым соотношение степени защищенности ребенка с длительностью психической патологии родившей его женщины только в том случае, если от ее психического состояния зависит безопасность младенца. Жизнь только что рожденного младенца является полностью самостоятельной ценностью. Он сам — автономный самостоятельный человек, любое состояние его жизненности не может быть связано с каким бы то ни было, в том числе и психическим, состоянием другого человека.

Из текста закона следует, что критерий новорожденности следует искать в биофизических

⁵ См.: Жижиленко А. А. Преступления против личности. М., 1927. С. 7; Рашковская Ш. С. Советское уголовное право: Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Часть особенная. Вып. 4 / под общ. ред. А. Н. Васильева. М., 1959. С. 9.

⁶ См.: Курс советского уголовного права / под ред. А. А. Пионтковского. М., 1971. Т. 5. С. 22; Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 46—49.

⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 16—17.

и психических качествах самого ребенка, и никоим образом нельзя соотносить это состояние с состоянием других людей, в том числе и с состоянием психики родившей его женщины.

Было бы правильным считать ребенка новорожденным в течение недельного периода его жизни от рождения (168 часов после рождения), когда ребенок еще мало приспособлен к жизни вне утробы матери, слаб, костные ткани его мягки, он требует особо осторожного обращения. Хотя в связи с неповторимостью индивидуальных особенностей в каждом конкретном случае необходимо определять, является ли младенец новорожденным. Указанный же период должен служить лишь ориентиром.

2

В статье 106 УК РФ фактически предусмотрены три вида детоубийств: 1) «убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов»; 2) «убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации»; 3) «или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости». Однако понятие новорожденности стоит самостоятельно и как бы по времени предваряет иные условия диспозиции этого состава. Не понятие новорожденности соотносится и зависит от признаков «во время или сразу же после родов», «в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости», а наоборот: все эти признаки являются вторичными и производными от установления новорожденности. Только после установления того, что убитый ребенок был новорожденным, можно учитывать перечисленные в диспозиции признаки объективной стороны состава преступления.

По нашему мнению, сама по себе новорожденность младенца не является основанием отнесения данного преступления к числу менее опасных, хотя новорожденность необходимо рассматривать в тесной связи с субъектом и его состоянием: процессом родов или сразу после них, условиями психотравмирующей ситуации или психическим расстройством, не исключающим вменяемости. Именно на этом должно основываться смягчение ответственно-

ности за убийство женщиной своего новорожденного ребенка. У убийцы младенца должна быть уверенность, что ребенок родился живым, иначе у нее не будет причин убивать его.

Долгое время считалось смертью прекращение работы сердца, дыхания и кровообращения. Но развитие реаниматологии заставило переоценить эти явления. За старым определением смерти осталась «клиническая смерть», т.е. такое состояние, которое может быть обратимо усилиями по восстановлению дыхания, сердцебиения и кровообращения. Помимо смерти клинической существует и смерть биологическая, т.е. необратимое состояние организма, сопровождаемое трупными явлениями. Принято считать, что человек мертв, если его мозг не функционирует, а мозговые клетки не излучают волн, фиксируемых энцефалографом⁸. С точки зрения традиционного определения смерти ребенок жив, так как у него бьется сердце, кровь циркулирует по сосудам, поддерживается постоянная температура тела. С точки зрения современного определения, трактующего наступление смерти как смерть мозга, такой ребенок мертв. Это определение смерти не совсем медицинское и не совсем биологическое. Оно не традиционно медицинское из-за того, что отдельные жизненные функции сохраняются и некоторые органы продолжают жить. Не полностью биологическое, так как обмен веществ в клетках не прекращается. Оно скорее, по мнению С. Рязанцева, из области метафизики: смерть человека отличается от смерти всех других живых существ, ибо, если человек существует только биологически и лишен сознания, он считается умершим, потому что он мертв как личность⁹. Исходя из этого, можно считать покойниками душевнобольных и младенцев, которые не являются личностями в общепринятом смысле. Поэтому нельзя согласиться с приведенной точкой зрения.

Объективная сторона детоубийства представляет собой действие или бездействие, направленное на причинение смерти новорожденному ребенку, совершенное в период родов или вскоре после них, а также в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости виновной. Как и всякое убийство, убийство новорожденного относится к преступлениям с материальным составом. Наличие

⁸ См.: Уолкер А. Э. Смерть мозга. М., 1988.

⁹ См.: Рязанцев С. Танатология — наука о смерти. СПб., 1994. С. 94.

оконченного детоубийства закон связывает лишь с наступлением насильственной смерти ребенка.

Убийства младенцев могут быть совершенны как путем активных действий (*delictum commissionis*), так и путем бездействия (*delictum omissionis* — чистое бездействие, например, оставление в опасности; и *delictum commissionis per omissionis* — смешанное бездействие, например, отказ в кормлении ребенка, в результате чего он умирает).

Существует точка зрения, что оставление в опасности новорожденного не является покушением на его убийство, а должно квалифицироваться как оставление в опасности. Детоубийство же может быть совершено только путем действия. С этим вряд ли можно согласиться. Для правильного уяснения этого вопроса необходимо провести отграничение детоубийства или покушения на него путем оставления ребенка в опасном для его жизни состоянии от подкидывания и оставления в опасности (ст. 125 УК РФ).

Некоторые авторы полагают, что ответственность за убийство путем бездействия может быть признана исключительно по признаку обязанности субъекта действовать¹⁰. Так, обязанность матери оказывать ребенку помощь вытекает из требований общечеловеческой морали и Семейного кодекса РФ (ст. 63 и 65)¹¹. Можно согласиться с мнением, что женщина при неоказании помощи, являясь непричастной к создавшейся опасной для жизни и здоровья ситуации, не может быть признана виновной в убийстве. В процессе и сразу после родов смерть ребенка может наступить от неоказания ему помощи, о необходимости которой женщина может и не знать (например, в силу неопытности, недостатка знаний, квалификации и т.п.). Само поставление в опасность может быть совершено путем действия или бездействия. Возможность поставления в опасность путем бездействия рассматривается нами, исходя из обязанности женщины действовать с целью оказания помощи своему новорожденному ребенку, находящемуся в опасном для жизни состоянии.

Беременная С. зимой на окраине поселка в малолюдном месте в кустах родила жизне-

способную девочку, которую оставила там же на снегу, а сама скрылась. Ребенок скончался от общего переохлаждения тела. Подобные действия следует квалифицировать в зависимости от наступивших последствий либо как убийство, либо как покушение на убийство путем бездействия.

При подкидывании у женщины отсутствует умысел на убийство. Объективно это выражается в том, что она принимает меры к сохранению жизни ребенка (кормит его, защищает от холода, оставляет его в месте, где наиболее вероятно его обнаружение людьми, и т.д.). Отличие подкидывания новорожденного от детоубийства заключается в том, что подкидывание детей производится «с умыслом отделаться от ребенка, а не с умыслом лишить его жизни»¹².

Оставление младенца в опасных для его жизни условиях (например, без одежды на морозе или в безлюдном глухом месте и т.п.), исключающих возможность его выживания в том случае, когда женщина сама создала эти условия, — признак детоубийства путем активного действия.

Следующим элементом объективной стороны состава детоубийства является причинная связь между действием или бездействием виновной и наступившей смертью новорожденного. При этом для квалификации не имеет значения момент наступления смерти, т.е. промежуток времени между деянием и последствием. Наличие причинной связи должно отвечать нескольким требованиям. Деяние должно:

- во времени предшествовать наступлению смерти или иным опасным последствиям, если имело место покушение;
- быть необходимым обстоятельством, с внутренней закономерностью обуславливающим наступление смерти;
- в момент совершения создавать реальную возможность наступления смерти.

Необходимым признаком состава детоубийства является временной промежуток, в котором совершается преступление. Этот признак связан с тремя составами преступлений диспозиции ст. 106 УК РФ и имеет особенности в зависимости от их специфики.

¹⁰ См.: *Побегайло Э. Ф.* Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. Воронеж, 1965. С. 28

¹¹ Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.10.2017) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

¹² См.: *Познышев С. В.* Особенная часть русского уголовного права. М., 1905. С. 73.

В литературе высказывается мнение, что понятие «сразу же после родов», выделенное в диспозиции ст. 106 УК РФ, имеет четкое медицинское определение. Это — краткий промежуток времени после выделения плаценты (детского места). Время до выделения плаценты после рождения ребенка определяется как роды. По-иному оценивает выражение «сразу после родов» Ф. Сафуанов. Он считает, что необходимо использовать не педиатрический, а судебно-медицинский критерий определения длительности периода новорожденности, который равен 24 часам. Убийство же новорожденного по истечении суток подлежит квалификации по ст. 105 УК РФ при отсутствии иных оснований¹³.

Наверное, нельзя однозначно определить подобный временной интервал, который является сугубо индивидуальным у каждой женщины. Поэтому признак состава «непосредственно после родов» следует отнести к оценочным.

В анализируемой норме есть понятие «психотравмирующая ситуация». Она может определять характер психической травмы женщины, а длительность воздействия обусловливается не только непосредственно ситуацией родов, но в большей степени отношением к этой ситуации. Чем она длиннее, тем более болезненна¹⁴. Убийство новорожденного, на наш взгляд, совершается не по причине самих родов и болезненного состояния женщины или под воздействием внешних социальных и субъективных факторов. Все это способствующие убийству условия.

Существует точка зрения, в соответствии с которой такие психические расстройства, как органическое поражение головного мозга и олигофрения легкой и средней степени, психопатии и некоторые другие, не исключающие вменяемости, являются квалифицирующим признаком ст. 106 УК РФ, когда убийство новорожденного совершено в течение одного месяца с момента появления ребенка на свет. Однако с подобной позицией согласиться нельзя, так как, по нашему мнению, при совершении убийства новорожденного в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии ограниченной вменяемости деяния женщины можно будет отнести к составу ст. 106 УК РФ, только

если они совершены в отношении ребенка, который на момент совершения преступления является новорожденным, а данный критерий определяется индивидуально у каждого ребенка (обычно он не превышает недельного срока).

Убийство ребенка матерью за пределами этого срока должно квалифицироваться уже по ст. 105 УК РФ. Согласно ст. 22 УК РФ в этих случаях психическое расстройство обвиняемой, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

На наш взгляд, некоторые признаки диспозиции ст. 106 УК РФ выглядят несколько неконкретно и требуют разъяснения. Прежде всего не очень понятно, что имеется в виду в данном контексте под «условиями психотравмирующей ситуации». Каково объективное содержание и возможное субъективное значение таких условий. Это можно бы сделать в примечаниях к статье.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, — специальный. Это физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Кроме того, это может быть только женщина, рожаящая или родившая новорожденного, по психофизическому состоянию женщина может быть здоровой или находиться в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, либо в условиях психотравмирующей ситуации.

Женщины в возрасте до 16 лет не являются субъектами детоубийства. Повышенный возрастной ценз субъекта установлен законом и для некоторых других разновидностей убийств (ст. 107 и 108 УК РФ). Но для последних это связано с противоправным поведением потерпевшего. Помещение в один ряд с этими преступлениями анализируемого недопустимо, так как новорожденный младенец не способен к виктимным действиям.

Кроме того, по закону 14-летняя роженица, убивающая своего новорожденного, подлежит более строгой ответственности, чем 16-летняя. Представляется необходимым в ст. 20 УК РФ указать, что несовершеннолетние женского пола с 14 лет несут ответственность за дето-

¹³ См.: Сафуанов Ф. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 29—31.

¹⁴ См.: Тайбаков А. И., Погодин О. Убийство матерью новорожденного ребенка // Законность. 1997. № 5. С. 16.

убийство, либо вообще исключить ст. 106 из УК РФ, а к ответственности за подобные преступления привлекать по ст. 105 УК РФ с учетом всех смягчающих и отягчающих обстоятельств.

3

Субъективная сторона преступления представляет собой психическую внутреннюю деятельность лица, характеризующую подготовку и совершение преступления. Она включает вину, мотив, цель и эмоциональное состояние. Убийство новорожденного может совершаться только с умыслом. В уголовно-правовой науке нет единого мнения о видах умысла при детоубийстве. Одни авторы считают, что убийство новорожденного может совершаться только с прямым умыслом (*dolus directus*)¹⁵; другие (Э. Ф. Побегайло и А. В. Наумов) — как с прямым, так и с косвенным или эвентуальным умыслом (*dolus indirectus, dolus eventualis*)¹⁶.

По нашему мнению, детоубийства могут совершаться как с прямым, так и с эвентуальным умыслом. Косвенный умысел в действиях женщины-детоубийцы характерен для тех случаев, когда роды оказали влияние на ее психику, в результате чего у нее наступило психическое расстройство, не исключающее вменяемости, или она сразу после родов оказалась в условиях психотравмирующей ситуации. В этих состояниях, разумеется, совершаются и убийства с прямым умыслом, но само состояние подавленности, отрешенности, вялости, безысходности, отчаяния, воспоминания о болевых ощущениях, отношение к ребенку как к источнику своих несчастий и т.п. ведут к тому, что женщина, не имея прямого умысла на убийство, не принимает меры к перерезанию пуповины, отказывается кормить младенца, оставляет его в условиях, исключающих жизнь. При этом прямо роженица не желает смерти младенца, но, предвидя возможность наступления смерти, либо сознательно допускает наступление гибели, либо относится к этому безразлично.

В зависимости от степени определенности представления виновной об общественно опасных последствиях своего деяния дето-

убийство может совершаться с умыслом определенным (*dolus determinatus*) или с умыслом неопределенным (*dolus indeterminatus*).

Для первого характерна направленность на точно определенный преступный результат — смерть ребенка. При втором смерть новорожденного, хотя и входит в предвидение субъекта, но в его представлении индивидуально не определена. Роженица желает избавиться от ребенка, и смерть входит в ее предвидение, но строго в ее представлении она не определена. Она может бросить ребенка в безлюдном месте с этой целью, предвидя его гибель, но ребенка могут найти, и он может не погибнуть, но получить в результате голода, холода и других неблагоприятных условий вред здоровью различной тяжести.

Определенный умысел при совершении деяния, повлекшего смерть новорожденного, может делиться на простой и альтернативный (*dolus alternativus*). При простом определенном умысле виновная намеревается причинить лишь один преступный результат — смерть младенца. При альтернативном определенном умысле она допускает возможность причинения в результате своего деяния одного из нескольких ею предвиденных и определенных преступных результатов, одним из которых является смерть.

По времени возникновения различают умысел заранее обдуманый (*dolus praemeditatus*) и умысел внезапно возникший (*dolus repentinus*). Заранее обдуманый умысел при детоубийстве характеризуется тем, что виновная предварительно более или менее тщательно обдумывает все основные моменты предприняемого ею преступного действия. Намерение совершить преступление и само преступление должны быть отделены друг от друга определенным временным промежутком. Внезапный умысел существует, если виновная приводит свое намерение в исполнение немедленно по его возникновению.

В исследуемой ситуации время возникновения умысла должно являться основанием для отграничения привилегированного состава детоубийства от убийства (ст. 105 УК РФ). Виновная может быть привлечена к ответ-

¹⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. М., 1997. С. 169—170.

¹⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Наумова. М., 1996. С. 286 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. С. 17.

ственности только в том случае, если умысел возник во время родов или после них при наличии указанных в законе обстоятельств. Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения, что момент возникновения умысла на убийство новорожденного на квалификацию данного преступления не влияет. Статья 106 УК РФ, по нашему мнению, является как раз той статьей, по которой ответственность может наступать только в случае наличия у виновной внезапно возникшего умысла.

Известны случаи убийств матерью новорожденных, когда они заранее готовились к преступлению: одна из них приготовила нож, которым сразу после рождения ребенка перерезала ему горло; вторая — запаслась веревкой и удушила им младенца; третья тщательно скрывала от всех свою беременность и после рождения сбросила ребенка в выгребную яму. Все трое были ошибочно осуждены по ст. 106 УК РФ.

Важное значение для квалификации де-тоубийств имеет выявление мотивов анализируемых деяний. Мотив — исключительно психологическая категория, явление, которое составляет его содержание, призван ответить, для чего совершается действие. Мотив надо отличать от мотивации, которая обозначает всю проблему в целом, а также выступает в качестве процесса возникновения, формирования, развития и коррекции мотивов. Мотив — не цель, которая является представлением о результатах действия (поведения), и не мотивировка, которая представляет собой понимание субъектом или иным лицом субъективных причин своих (его) действий (поведения). Мотивировка, предлагаемая подозреваемым (обвиняемым, осужденным), чаще всего носит характер оправдания.

В человеческой психике наряду с сознанием, которое является ведущим в человеке и отличает его от всех прочих живых существ, имеется еще бессознательное, в котором хранятся невоспоминаемые воспоминания прошлого, особенно детства и ранней юности, вытесненные туда в силу их травматичности или ненужности, а также инстинкты и автоматизмы. Естественно, что в бессознательном могут «храниться» и мотивы, которые способны актуализироваться, когда человек почувствует в них нужду.

Под инстинктами мы будем понимать генетически закрепленные формы поведения и психического отражения, общие для всех

видов живых существ или только их отдельных видов. Таким общим для всех является, например, воспроизведение потомства и потребность в еде. Материнство, идущее от животных, для людей всех эпох было едва ли не самым главным инстинктом, потому что они видели и видят в этом собственное бессмертие, но пока что только в этом. Мать — главный, на наш взгляд, архетип по этой причине. Именно потому, что он главный, велико его многообразие: Богородица, родившая мать, воспитавшая мать, мать-земля-кормилица, Родина-мать, мать-утешительница, мать всепрощающая, мать бесконечно добрая и т.д. Есть все основания считать этот архетип Великой Матерью. Изображение кормящей матери с младенцем на руках — одно из древнейших. Богородица Мариам с младенцем Иисусом — продолжение этой традиции, ставшей священной. Та, древнейшая, не была богиней, а просто матерью.

Но в социальной психике, точнее — в мифологии, есть еще и злая мать, злая женщина, например индийская богиня Кали, она обычно изображается с ножами в руках и ожерельем из черепов. Иным словами, человек знает, что есть и другие, плохие матери. Они есть и среди животных: так, собаки иногда съедают своих новорожденных, также делают белые медведи. Один из авторов этой работы (Ю. М. Антонян) лично видел в Тбилисском зоопарке, как черная пантера родила малыша и тут же его съела.

Таким образом, мы можем констатировать уничтожение своего новорожденного в живом мире, включая животных и человека. Это можно назвать исключением, эксцессом в биологическом поле, генетически обусловленном, каким-то срывом, т.е. сама природа не в состоянии обеспечить то, что она же установила. Это может происходить по слабости в самой природе, которая не смогла в данном конкретном случае обеспечить исполнение того, что ей необходимо, или же ею так было предусмотрено заранее. Если инстинкт материнства не срабатывает, появляется потребность избежать новорожденного путем его уничтожения. Отсюда можно сделать вывод, что и причиной убийства матерью новорожденного ребенка является срыв инстинкта, т.е. чисто биологическая причина. Все основные (часто встречающиеся) внешние факторы, как-то: отсутствие жилья, материальных средств, требование мужа, уже наличие детей, которых и так трудно прокормить

мать, осуждение средового окружения, упреки и гнев родственников — играют лишь роль внешних условий, провокаций. При этом не имеет значения, внезапно или после подготовки, в состоянии аффекта ли принято решение убить младенца.

В мотиве как психологическом явлении, как в случае убийства матерью своего новорожденного ребенка, нельзя найти ответ на вопрос о причинах такого поведения, если мотив порожден социальными явлениями. Поэтому ответ на вопрос о причинах надо искать в биологической сфере. Мы делаем акцент на биологических причинах потому, что инстинкт материнства способен преодолеть любые другие социальные факторы.

Можно предположить, что убийство матерью новорожденного ребенка может происходить по той причине, что она в детстве и ранней юности подвергалась унижениям, оскорблениям, побоям и не хотела такой же судьбы для своего ребенка, поэтому лишила его жизни. Однако изученные нами факты не подтверждают такого предположения: будущие матери-убийцы родились, жили и воспитывались в обычных нормальных семьях. Впрочем, если и были названные внешние неблагоприятные воздействия, то они малозначительны по сравнению с недополученным от природы (или существенно ослабленным) инстинктом материнства. Но вполне допустимо предположить, что женщина с таким дефицитом указанного инстинкта никакого убийства новорожденного не совершит даже в состоянии психического расстройства, если, например, будет окружена заботой и попечением, в том числе врачом, со стороны мужа, и т.д. Однако очень возможно, что она будет плохой матерью.

Для иллюстрации нашей гипотезы о биологическом характере причин убийств матерями новорожденных приведем пример, который считаем классическим аргументом в пользу названного предположения. Ш. обвинялась в том, что она убила своих младенцев 2 и 3 месяцев от роду при следующих обстоятельствах. Ш. вышла замуж в 25 лет, в 26 лет родила мальчика, которого она, когда ему было 2 месяца, якобы нечаянно уронила на пол, тот ударился головой и скончался. В возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления было отказано. Через несколько

месяцев Ш. вновь забеременела и опять родила мальчика, которого постигла судьба брата: мать его выронила на пол и он скончался. Тогда уже возбудили уголовное дело о двух убийствах. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза признала ее полностью вменяемой. Она не находилась в психотравмирующей ситуации, муж и родственники одобряли рождение детей.

Исследуя в середине XIX в. проблему детоубийств, Н. С. Таганцев указывал среди мотивов убийств новорожденных стыд, страх суда, общественного мнения, боязнь за будущее ребенка¹⁷. М. Н. Гернет отмечал такой мотив этого преступления, как спасение чести¹⁸. В различных интерпретациях эти толкования мотивов детоубийств прочно вошли в научную литературу и правоприменительную деятельность, хотя в настоящее время вряд ли их можно признать верными. Подобное объяснение действий виновных скорее можно отнести к области мотивировок, т.е. объяснений *postfactum* лицами, совершившими преступление, что широко распространено. Получалось, что мотив детоубийства — внутренняя субъективная побудительная причина такого преступного поведения, его смысл, объективно связанный с обстоятельствами внешней среды и, конечно, с устойчивыми чертами личности преступника.

Итак, мотивом убийства новорожденного матерью является уничтожение объекта, который воспринимается ею как угроза и даже разрушение ее жизни. Это ощущение исходит от социальной среды и воспринимается весьма болезненно. Но такой мотив может появиться лишь при отсутствии инстинкта материнства или его значительного ослабления. Если предположить, что такая лишенная инстинкта материнства мать не уничтожит ребенка по не зависящим от нее причинам или субъективным обстоятельствам, то она скорее всего будет плохой матерью, нуждающейся в психотерапевтическом воздействии. Следовательно, мы приходим к выводу, что причиной убийства новорожденного является отсутствие инстинкта материнства, т.е. биологическая причина, при достаточно сильном влиянии среды, выступающем в качестве условия.

Если мотив мы определили как внутреннюю субъективную побудительную причину, субъек-

¹⁷ См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 324.

¹⁸ См.: Гернет М. Н. Детоубийство. Сравнительно-юридическое исследование. М., 1911. С. 208.

ективный смысл действий при детоубийстве, то цель этого преступления составляет преступный результат, которого стремится достигнуть убийца. Если мотивом убийства новорожденного допустить страх за свое существование, охрану своего статуса, то целью является лишение жизни новорожденного младенца. И это является главным вопросом — откуда берется это желание, каково его происхождение — социальное или биологическое?

В физиологии различаются четыре вида действий человека: рефлекторные, инстинктивные, импульсивные и волевые. Причины рефлекторных и инстинктивных актов могут не находиться под контролем сознания, но тем не менее соответствующие действия лежат в пределах уголовно-правового воздействия. Человек может не знать подлинные причины своих преступных действий, как это нередко и бывает, но он обязан знать, что нельзя убивать, красть, насилловать и т.д. Он наказывается за то, что совершил действия, запрещенные законом (если, конечно, вменяем). Поэтому волевые акты, к которым относится и убийство новорожденных, полностью охватываются уголовно-правовым регулированием.

Импульсивные действия при детоубийстве представляют собой эмоциональную разрядку, происшедшую в результате аффективных переживаний. Как правило, во время состояния физиологического аффекта импульс и реакция отделены друг от друга достаточно коротким промежутком времени.

В иных ситуациях состояние аффекта, как и иной эмоциональный срыв, может влиять на субъективную сторону убийства младенца в условиях психотравмирующей ситуации, в качестве которой могут быть стечение тяжелых личных обстоятельств, угроза или принуждение при материальной, служебной или иной зависимости виновной от другого лица, тяжелое протекание беременности и (или) родов, при состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Перечисленные случаи являются основанием для смягчения ответственности виновной в убийстве новорожденного.

Эмоциональная напряженность, возникновение и развитие которой обусловлено психотравмирующей ситуацией, оказывает существенное влияние на сознание и поведение обвиняемой. Юридическая квалификация «психотравмирующей ситуации» — сложная проблема. Дело в том, что ни одна ситуация

сама по себе не может выступать как оказывающая негативное воздействие на психику человека — ее можно расценить как психотравмирующую только после тщательного анализа взаимодействия личности и ситуации. Решающее значение приобретает психологическое субъективное значение ситуативных воздействий, которое формируется в психике субъекта. К примеру, требование мужа избавиться от будущего ребенка будет глубоко травмирующим фактором для беременной женщины, желающей родить и воспитать ребенка, а для женщины, страдающей хроническим алкоголизмом и характеризующейся моральной деградацией, подобная позиция супруга может выступать как нейтральное обстоятельство или даже как подкрепление собственной позиции на убийство.

В состоянии выраженной эмоциональной напряженности поведение матери определяется во многом аффективной мотивацией, что снижает ее возможность адекватно оценивать окружающее и свои действия, ограничивает способность контролировать поступки и прогнозировать их возможные последствия.

Эмоциональная напряженность возникает нередко задолго до родов — например, в случаях, когда беременность наступила в результате изнасилования или вне брака, в связи с отказом отца будущего ребенка поддерживать отношения. Росту эмоциональной напряженности способствуют и такие личностные особенности обвиняемых, как подчиняемость, зависимость, малообщительность, застенчивость. Особое значение приобретает и социальная ориентация будущей матери. При жестком усвоении отдельными женщинами представлений о недопустимости добрых сексуальных отношений, женской «чистоте и чести» возникает глубокий внутренний конфликт с мучительным противоборством между желанием родить ребенка и субъективным представлением о невозможности этого, боязнью огласки и «позора». Когда же к этому внутреннему противоречию присоединяются внешние травмирующие воздействия, например прямое давление со стороны родственников с требованием прервать беременность, это приводит к усугублению эмоциональной напряженности. Дополнительным фактором могут выступать неудачные попытки найти выход из сложившейся ситуации — отказ врачей сделать аборт из-за позднего срока беременности, невозможность уехать из-за отсутствия средств и т.п.

4

Совокупность такого рода факторов, как правило, предопределяет физическую и психическую изоляцию беременных женщин. А это приводит к углублению эмоциональной напряженности по механизму «порочного круга». Такие женщины стремятся в большинстве случаев рожать в одиночестве, вне больничных условий. Во многих случаях, когда роды начинаются вне больницы, они запираются для родов в душевой, ванной, туалете, сарае. При этом нередко возникают еще большие сложности. Роженицы совершают импульсивные убийства новорожденного с нелепыми попытками скрыть содеянное (прячут ребенка под ванну, под кровать, в шкаф, выбрасывают в открытое окно), свидетельствующими о глубине эмоционального срыва, ограничивающего адекватную оценку обстановки и возможность регулировать свои действия.

Необходимо экспертное определение состояния эмоциональной напряженности, возникшего и развившегося в условиях психотравмирующей ситуации, что имеет прямое отношение к квалификации деяния по ст. 106 УК РФ.

Если убийство новорожденного совершено матерью в соучастии с другими лицами, то их действия квалифицируются по-разному. Действия последних должны квалифицироваться как простое или квалифицированное убийство.

Анализируя уголовно-правовые проблемы ответственности за детоубийство, необходимо коснуться вопроса эвтаназии (убийства из сострадания) в отношении новорожденных. Хотя к эвтаназии в основном отношение отрицательное, но видится, что в некоторых случаях смягчение ответственности за это деяние будет уместным. Нередки случаи появления на свет младенцев с различными пороками. Одни из таких пороков несовместимы с жизнью (гидроцефалия, анэнцефалия, мозговая грыжа и т.п.), другие — делают детей инвалидами (болезнь Дауна, сросшиеся двойни, аномалии костной системы). Следует отметить, что возможно введение в УК РФ привилегированной статьи в случае эвтаназии новорожденных его родителями или близкими родственниками в следующей редакции: «Убийство безнадежно больного новорожденного, совершенное его родителями или близкими родственниками из чувства сострадания, наказывается...». Основанием применения подобной статьи должно служить медицинское заключение, подтверждающее указанное состояние младенца.

Установить точную картину состояния убийств матерью новорожденного ребенка достаточно сложно, поскольку высока их латентность, связанная с криминалистическими особенностями совершения деяния, а также существующей практикой отказов в возбуждении уголовных дел при обнаружении трупа младенца из-за невозможности установления виновных.

Проведенные нами опросы подтверждают это. Опросы проводились в трех группах населения: среди осужденных Новооскольской колонии для несовершеннолетних женского пола, школьниц нескольких школ г. Воронежа и осужденных Вологодской женской колонии.

Из 100 опрошенных несовершеннолетних, содержащихся в Новооскольской воспитательной колонии, 50 % респонденток ответили, что им известны случаи убийства женщинами своих новорожденных детей.

Исследуя ответы на вопрос 100 школьниц старших классов г. Воронежа о том, известны ли им случаи убийств новорожденных, мы установили, что 63 % респонденток ответили утвердительно. При этом 50 % из них заявили, что работникам правоохранительных органов не было известно об этих случаях.

Подобные же результаты были получены при проведенном нами анонимном анкетировании 100 осужденных Вологодской женской исправительной колонии: 50 % утверждают, что им известны случаи детоубийств, а 22 % из них заявили о том, что подобные случаи были скрыты от органов правопорядка.

Это свидетельствует о высоком уровне латентности убийств младенцев, которая еще выше в городской местности по сравнению с сельской. Объяснение этого можно найти в особенностях образа жизни. На селе вся жизнь проходит на виду, очень сильны родственные, соседские и иные связи между людьми. Непосредственность и любопытство сельских жителей делает достаточно затруднительными попытки сокрытия беременности, поэтому выявление подобных преступлений на селе происходит лучше.

Иная картина в городах, особенно крупных. Люди достаточно разобщены, равнодушны друг к другу. Беременность утаить легче. Спрятать труп ребенка не всегда проще, но достаточно возможностей уклонения от ответственности виновной в связи с трудностями ее установления в крупном городе. Но престу-

пления эти все же, как показывают наши исследования, в большинстве своем, совершают уроженки сельской местности. Этот факт обладает некоторыми объяснительными возможностями.

Бывших и нынешних жителей села, совершающих такого рода убийства, отличает низкий уровень духовности, природу и общество они воспринимают крайне прагматично, в основном с точки зрения пользы для себя. Из-за недостаточного уровня цивилизованности на селе они не имеют привычки посещать медицинские учреждения, плохо информированы о мерах предохранения от нежелательных беременностей, не умеют активно планировать свое будущее, жизнь их течет по инерции. Непроизвольное с детства наблюдение за привычными на селе действиями по убийству домашних животных может откладывать в подсознании приемлемость действий по уничтожению неугодных, лишенных полезности и даже опасных для привычного существования живых объектов.

Всепоглощающие эгоистические переживания начисто лишают женщин великого материнского инстинкта. Они не воспринимают родившегося младенца как человека, как личность, как живое существо. Психологическая и биологическая связь с младенцем изначально отрицается. У таких женщин ценностью является только их собственная жизнь, жизнь ребенка не имеет никакого значения. В город они зачастую приезжают с надеждами достичь той модели материального благополучия, которая складывается у них на основе массовой и дешевой пропаганды. Духовные ценности в расчет не принимаются. Ребенок не вписывается в сложившиеся стереотипы их жизни. Помеху необходимо убрать.

Вопреки распространенному в науке мнению о том, что убийства новорожденных совершаются чаще женщинами очень молодыми и даже несовершеннолетними, исследование ряда уголовных дел и статистических данных за последнее время показало, что по возрастному составу преобладают взрослые детоубийцы. Наиболее криминально активной группой выступают лица женского пола старше 30 лет.

Особо следует сказать о несовершеннолетних детоубийцах. Хотя их количество в общей массе подобных преступниц невелико, но само их существование говорит о неблагополучии в обществе. Беременность, как правило, у них связана с началом половой жизни. Отсутствие

теплых, доверительных отношений в семье, страх перед родителями, подругами, общественным мнением односельчан, пробуждает у них агрессивную направленность против плода, в котором они видят источник своих бед.

Несовершеннолетняя С., учащаяся Воронежского ПТУ, уроженка села, отмечала со своими однокурсниками день рождения в ресторане. Выпила много спиртного, пошла в гости к незнакомым молодым людям, которые изнасиловали ее. С заявлением куда обращаться не стала, так как не помнила ни адреса, ни примет насильников. Почувствовав беременность, скрыла ее ото всех, хотя мать, сестра, однокурсницы неоднократно спрашивали ее об этом. На учет в женскую консультацию не встала, никаких вещей для будущего ребенка не приобретала. Проживая на квартире, ночью родила без посторонней помощи ребенка, перерезала ему горло ножом и выбросила в мусоропровод. Утром уехала к себе домой в деревню. По характеру она спокойная, замкнутая, в школе училась посредственно, ничем особенным не выделялась, помогала матери обрабатывать огород и ухаживать за скотом. Появление ребенка не входило в ее планы. Высокая тревожность и страх перед суровым деревенским общественным мнением, чувство нарастающего отчуждения привели ее к решению об убийстве.

Следует отметить, что в своем большинстве юным женщинам с их еще не сложившимся характером, не ожесточившихся, не ставших окончательно равнодушными к боли и заботам других, морально значительно труднее решиться на лишение жизни только что родившегося человека. И наоборот, женщины, уже имеющие детей и даже находящиеся в браке, без особых колебаний уничтожают своего новорожденного ребенка, выдвигая в качестве мотивировки материальные затруднения, отсутствие жилья, работы и т.п., хотя в основе их действий лежит срыв инстинкта материнства, о чем мы говорили выше.

Ш-а состояла в зарегистрированном браке с Ш-ым и имела от совместного брака с ним четырех детей. Ш-в в течение длительного времени проживал отдельно от семьи, материальной помощи семье не оказывал, и Ш-а взыскивала с него алименты. Затем Ш-в вернулся в семью и Ш-а забеременела. Днем дома без медицинской помощи родила здоровую девочку. Через час после рождения ребенка Ш-а утопила его в ведре с водой, положила в коробку и закопа-

ла на приусадебном участке. Объясняла свои действия материальными затруднениями, плохими жилищными условиями, опасениями, что муж из-за ребенка вновь может уйти от нее.

Следует отметить, что в большинстве случаев детоубийства совершаются женщинами, не состоящими в браке, при этом нежелательная беременность для части из них (35 %) является результатом первого сексуального опыта. Но бывает так, что к беременности ведет аморальный образ жизни, и как результат — убийство нежеланного ребенка. Этот вывод подтверждается результатами опроса экспертов (акушеров, гинекологов и неонатологов), 36 % из которых утверждают, что к нежелательной беременности ведет аморальный образ жизни женщин.

По изученным уголовным делам только 46 % виновных в детоубийстве состояли в браке, остальные же женщины распределяются следующим образом: 3 % составляют разведенные, 23 % — живущие с сожителем, 28 % — незамужние, из них 14 % — забеременевшие от случайной связи, 3 % — были изнасилованы.

При этом лишь 35 % из них до этого не имели детей, и умерщвленный ребенок является для них первым. 65 % уже имели детей до совершения преступления, причем в 6 % случаях дети были внебрачными. Из имевших до убийства детей у 12 % было по одному, у 24 % — по двое, у 29 % — по трое и более детей.

Женщины-детоубийцы, как правило, имеют невысокий образовательный уровень. Среди них практически нет лиц с высшим образованием. Зачастую они имеют неполное среднее, среднее или среднеспециальное образование. В школе в большинстве случаев учились средне или слабо, встречаются случаи обучения в спецшколах для детей с замедленным развитием и психическими отклонениями.

Анализ личностных характеристик респондентов, восходящий к школьным годам, показывает, что большинство из них характеризовались добрыми, отзывчивыми, трудолюбивыми, но в то же время они отличались замкнутостью, достаточно узким кругом интересов и общения. Исходя из этого, можно сделать вывод, что женщины, совершающие убийство своих новорожденных детей, обладают недостаточным общеобразовательным уровнем, не отличаются общительностью, замкнуты, мир ограничен для них узкими рамками примитивных групповых интересов семьи или близкого окружения, отношение которого является для

них жизненно значимым. Факты участия в самодеятельности, в кружках части изучаемой группы преступниц не опровергает, а скорее подтверждают этот образ, так как участие это ограничивается простым следованием принятому стереотипу поведения других, активными же организаторами они не выступают.

Среди выявленных детоубийц 95 % являлись местными жительницами, т.е. того же района, а 1 % — лицами без определенного места жительства. Хотя встречаются случаи совершения убийств новорожденных женщинами за пределами своего населенного пункта, но это является скорее исключением, чем правилом. Эти данные в значительной мере опровергают довольно распространенное среди сотрудников правоохранительных органов мнение, что рост подобных преступлений связан с маятниковой миграцией. Скорее в определенной мере увеличение убийств младенцев связано с миграцией сельского населения в города.

В большинстве случаев женщины, решившиеся на убийство новорожденных, до этого случая никогда не были судимы и преступлений не совершали. За последний год только 1 % из всех виновных в убийстве младенцев составили лица, ранее совершившие преступления. Это обстоятельство на первый взгляд свидетельствует о том, что совершение преступления является для исследуемой категории женщин как бы случайным явлением. Мы уже убедились, что все не так просто в объяснении причин их поведения: для каждой из них оно внутренне целесообразно, обладает смыслом и преследует определенные, зачастую неосознанные цели. Присутствующие в поведении различных типов женщин закономерности дают нам возможность спрогнозировать их поведение, выявить лиц, склонных к совершению подобных преступлений, что необходимо для успешной профилактической работы.

Достаточно редко, но все же имеют место случаи криминологического рецидива убийств новорожденных, под которым мы понимаем любое повторное совершение детоубийств независимо от осуждения за предыдущие преступления.

Группой лиц совершено подобных преступлений, по нашим данным, 5,4 %. Такой низкий показатель свидетельствует о том, что женщины стараются совершить это преступление тайно, не привлекая других. Родные и близкие в большинстве случаев остаются в полном неведении об их намерениях.

Немаловажной частью характеристики виновных в убийстве новорожденных являются данные о роде их занятий и принадлежности к определенной социальной группе. По социальному статусу убийцы детей распределяются так: 18 % составляют рабочие; 6 % — служащие; 6 % — работницы сельского хозяйства; 8 % — учащиеся; 2 % — студентки. Такие слои населения, как частные предприниматели, работники органов государственного управления, работники кредитно-финансовой и банковской системы полностью отсутствуют в числе женщин, выявленных нами в качестве убийц младенцев. А вот лиц без постоянного источника дохода в числе детоубийц — 60 %. Подобное соотношение по социальному положению тесным образом связано с происходящими в социально-экономической жизни общества неблагоприятными изменениями, в первую очередь затрагивающими менее защищенные слои населения, к которым относятся женщины.

Давно замечено, что уровень квалификации работников любой сферы трудовой деятельности находится в обратной связи с криминальной активностью в этих группах. То есть чем выше квалификация, тем меньше преступлений совершают женщины, входящие в данную социальную группу. Исследования показывают, что лиц с высокой производственной квалификацией среди преступников в шесть раз меньше, чем работников этой квалификации в общей структуре населения.

В структуру мотивации поведения женщин входят средства реализации поставленных целей. Как отмечают многие авторы, женщины по своей биологической и социальной природе менее склонны к инверсии целей и средств, к насильственным, незаконным действиям. Ряд зарубежных исследователей отмечает, что чем образованнее женщина, тем более высока квалификация ее труда, тем более характерно для нее миролюбие.

Истоки формирования личности подобных преступниц следует искать в детстве, семье и даже ранее — в перинатальном периоде, а может быть и в архетипике предшествующих поколений, в коллективной генной памяти.

В соответствии с нашими исследованиями женщины-детоубийцы в 15 % случаях воспитывались единственным ребенком в семье, в 62 % — вдвоем с братом или сестрой, а в 23 % — в семье их родителей было по трое и более детей. То есть 81 % семей, в которых

воспитывались детоубийцы, имели более одного ребенка.

У подавляющего большинства будущих детоубийц в детстве не было проблем с жильем. По изученным уголовным делам 60 % семей жили в отдельных домах, 26 % — в квартирах, 3 % — в коммунальных квартирах и лишь 11 % были лишены нормальных жилищных условий. В 75 % семьях были оба родителя — отец и мать, в 6 % — мать и отчим, в 19 % — один из родителей, как правило, мать. Родители отличались невысоким образовательным и культурным уровнем. Так, по исследуемому массиву 30 % матерей и 36 % отцов были рабочими, 18 % матерей и 6 % отцов — служащими, но невысокой квалификации, 3 % матерей не работали, 24 % матерей и 30 % отцов являлись колхозниками, 21 % матерей и 9 % отцов были пенсионерами.

Отношение родителей к дочерям в 33 % случаев отличалось излишней требовательностью, в 45 % — родители были к ним безразличны и лишь в 22 % случаев отношения с родителями были хорошие. Дочери отвечали им «взаимностью»: только 24 % считают, что любят своих родителей, 28 % заявили, что боятся их, а большинство — 48 % равнодушны к родителям. Однако при углубленном изучении тех, кто считает, что любит родителей, выясняется неоднозначная картина.

Так, несовершеннолетняя Ф., уроженка Льговского р-на Курской обл., поступила в Воронежский государственный университет. К этому времени уже была беременна. Операцию по искусственному прерыванию беременности своевременно не сделала, так как сдавала выпускные экзамены в школе, а потом вступительные экзамены в университет. Когда обратилась в больницу, то прерывать беременность уже было поздно. От родителей беременность скрывала, но мать узнала об этом из переписки Ф. с отцом ребенка. Мать посоветовала Ф. рожать. Ф. хотела закончить учебу, затем выйти замуж. Ребенок разрушал ее планы, что делать с ребенком, она не знала, рожать очень боялась. На учет в женскую консультацию не встала. Ребенка родила в комнате частного дома, которую снимала вместе с несколькими девушками недалеко от места учебы. По ее словам, к этому моменту еще не решила, что будет делать с ребенком. Убедилась, что ребенок жив, и выбросила его на улице в контейнер для мусора. Плач ребенка услышали хозяин дома и одна из девушек, проживавших вместе с Ф. Ребенок был спасен.

В детстве Ф. развивалась нормально. Физически здорова, на учете в психиатрическом и наркологическом диспансере не состояла. В школе занималась баскетболом, туризмом. До 9-го класса училась на «отлично», затем на «хорошо» и «отлично». По дисциплине замечаний не было. В свободное время любила читать художественную литературу о современниках. В кино ходила редко, в основном на индийские фильмы. Подруг имела мало. В школе отвечала за работу идейно-политического сектора. По характеру тихая, спокойная, замкнутая, скромная, добросовестная, трудолюбивая. В школе и дома ни с кем острых конфликтов не было. В семье отношения хорошие, родители не пьянствуют, не скандалят.

Казалось бы, полное благополучие и покушение на убийство несовместимы. Но, изучая личность родителей, отношения в семье, мы находим факторы, которые повлияли на формирование криминогенных черт личности Ф. Отец Ф. работал на заводе комплектовщиком, характеристика на него с места работы, так сказать, пассивно положительная: спиртное не употребляет, исполнительный, трудолюбивый, пользуется уважением. Мать Ф. работала заместителем начальника районного узла связи. Характеристика с места работы на мать тоже положительная, но при этом отмечается, что по складу характера она требовательна, неприимирима к недостаткам своим и подчиненных. В семье явно играла авторитарную роль, подавляла детей и мужа своей требовательностью. Это видно из разительного отличия характеристик: мать требовательна и нетерпима, дочь — тихая, замкнутая, застенчивая, необщительная.

Хотя мать и показала, что предлагала дочери рожать, в судебном заседании сказала, что, узнав об отношениях дочери с будущим мужем, убеждала ее повременить с замужеством, поскольку нужно учиться. Принимая во внимание, что мать довлела над дочерью, все ее слова воспринимались как бесспорное руководство к действию. Поэтому Ф. была зафиксирована на определенную линию поведения и не могла нарушить установленный порядок, отступить в сторону. Она была скована им внутренне, не осознавая этого, и даже последующие предложения матери рожать не воспринимались ею, так как она понимала, что эти предложения вынужденные, незапланированные. Ф. не могла отойти от намеченного жизненного плана, не могла уронить свою ценность в глазах односельчан, родителей и иного

окружения. Избавление от ребенка было для нее меньшим злом, чем умаление своего статуса в глазах окружающих, да и своих собственных.

По изученным нами уголовным делам материальное положение виновных выглядело следующим образом: только 25 % девушек жили в достатке, 75 % испытывали нужду, в том числе в пище, одежде, бытовых приборах, 57 % имели огороды или личные подсобные хозяйства.

В период совершения преступления 11 % имели жилье в семье родителей, 12 % — в семье родителей мужа, 42 % имели отдельное жилье, 18 % жили в общежитиях, 3 % жили в коммунальных квартирах, а 14 % вообще не имели никакого постоянного жилья, бродяжничали, жили у случайных сожителей. Но при кажущейся благополучной картине с жильем, нормального уровня бытовых условий не наблюдалось ни в одном из исследуемых случаев. Имевшиеся квартиры, дома, комнаты либо не соответствовали элементарным санитарным нормам по площади на количество проживавших в них человек, либо не были оборудованы необходимыми удобствами. Реального улучшения жилищных условий ни у одной виновной не предвиделось.

79 % женщин, из числа совершивших детоубийство, не имели друзей, в критические, трудные минуты жизни им не с кем было поделиться своими волнениями, снять психологическое напряжение, получить разумный совет. Отторжение от общества, уход в собственные проблемы нагнетал чувство отрешенности от окружающих, озлоблял их, и выход этой крайне отрицательной энергии направлялся на беспомощное существо — младенца, который, конечно, не являлся причиной жизненных неудач виновной, но воспринимался ею как главная враждебная сила, от которой идут все ее несчастья.

В 48 % семей убийц младенцев во время совершения преступления имело место пьянство. В 20 % в семьях происходили скандалы и драки, и только в 32 % обстановка внешне выглядела благополучной.

Нельзя не сказать и об алкогольной деградации, которой подвержена часть детоубийц. Женщины этого типа ведут аморальный образ жизни, вступают в беспорядочные половые связи, злоупотребляют спиртными напитками, становясь хроническими алкоголиками, не имеют работы и жилья, бродяжничают. Ре-

бенек для них является обузой, к заботе о которой они не привыкли. Убийство новорожденного для них самый простой и доступный выход из создавшейся ситуации. 18 % виновных совершили убийства младенца, находясь в состоянии алкогольного опьянения.

Бедность, отсутствие работы, социальная и экономическая незащищенность, крушение надежд, неосуществимость планов на фоне психологической предрасположенности интенсивно раскручивают процесс маргинализации женщин, в результате которого появляется устойчивый слой социальных пауперов, имеющих незначительную вероятность возвращения к нормальной жизни, вливания в рыночные отношения. К этой категории женщин вплотную примыкает слой женщин-«аутсайдеров», еще не опустившихся на дно, но не имеющих реальной возможности в силу индивидуальных особенностей переоценить правила взаимодействия и адаптироваться, достойно приспособиться к новым условиям существования. Пьянство и алкоголизм являются неразлучными спутниками таких личностей, способствуя деградации воли, эмоций, сознания, ориентаций, ослабляя контроль и давая возможность пробиться в сознание из бессознательного тех темных сил, которые до этого подавлялись женщиной.

Следует отметить выявленную при исследовании уголовных дел по фактам убийства матерью новорожденного ребенка проблему определения времени возникновения умысла на совершение преступления. Зачастую подсудимые уверяют, что до момента рождения ребенка не желали его смерти, что мысли об уничтожении появились во время родов или непосредственно после них под влиянием патологического послеродового состояния и что именно в этот момент на их сознание отчетливо подействовала тяжелая жизненная ситуация, сложившаяся к тому моменту. Нередко эти обстоятельства без достаточных оснований учитываются судами как смягчающие при назначении наказания. Однако ситуационность и импульсивность противоправных действий роженицы, объясняемых якобы внезапно возникновения умысла, опровергается результатами глубокого анализа всех обстоятельств, нашедших отражение в материалах уголовных дел.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что виновные не становились на учет в женскую консультацию по поводу своей беремен-

ности. Отчасти это и можно объяснить тем, что до настоящего времени не все, особенно сельские и бывшие сельские, желают пользоваться услугами медработников, а прямой обязанности становиться на учет не существует, но другие их действия более четко свидетельствуют о преднамеренной направленности умысла. Во-вторых, женщины скрывали от родных, знакомых и сослуживцев факт беременности, применяя для этого доходящие до абсурда средства в виде утягивания живота при помощи различных предметов. В-третьих, отдельные лица, не обращаясь в медицинское учреждение, применяли различные доморощенные способы и средства (иногда с частной помощью работников женских консультаций), пытаясь прервать нежелательную беременность. В-четвертых, к рождению ребенка не приобретали никакой одежды, пеленок и т.п., не покупали колясок и кроваток. В-пятых, после родов не пытались подбросить ребенка кому-либо, сохранив ему жизнь. В-шестых, по результатам психиатрических экспертиз, обследований акушеров и по показаниям самих рожениц, состояние их после родов в большинстве случаев нельзя отнести к тяжелым: роды проходили нормально, без осложнений, дети рождались здоровыми, после родов никаких болевых ощущений не было.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что кажущаяся, лежащая на поверхности импульсивность действий виновных на самом деле таковой не является, и в подавляющем большинстве случаев убийство новорожденных планировали заранее, совершали предумышленно, иногда боясь даже самим себе признаться в преднамеренности действий.

Разумеется, нельзя отрицать существенного влияния на убийства матерями новорожденных исторических, политических, экономических, правовых, экологических, демографических, духовных и иных факторов, их детерминирующих. В первую очередь ослабляется контроль за формированием и развитием личности женщин. Развитие искаженных потребностей, деформированных ценностных ориентаций и правосознания, выбор недопустимых средств для осуществления цели, связанный с непосредственным влиянием глубинных отрицательных личностных черт женщины, проявляющихся в неординарных ситуациях, — все это существует в современном

обществе и во многом определяет поведение матерей-убийц.

Как показали наши эмпирические исследования, в 27 % случаев местом преступления являлась квартира, в 21 % — общежитие, в 13 % — туалет во дворе, в 12 % — частный дом, в 12 % — улица, в 9 % — сарай, в 6 % — огород. Устойчивость этих тенденций видна из сравнения с данными исследования 1970-х гг.: в квартире тогда совершалось 38,4 % убийств младенцев, в общежитии — 34,6 %, в туалете — 4,25 %, в садах и огородах — 6 %, в лесу — 7 %, на берегу реки — 4 %, в поле — 3,4 %, на чердаке — 1,35 %. Изучение обстоятельств детоубийств показывает, что чаще всего они совершаются в жилище: в квартирах, общежитиях, частных домах. При этом в большинстве случаев эти жилые помещения являлись фактическим местом проживания виновной. Хотя имеют место и иные случаи убийства новорожденных.

Так, 41-летняя Б., разведенная, не имеющая постоянного места жительства, находясь в состоянии беременности, пришла вместе со своей знакомой П. около 20 часов в частный дом к Ч., у которого собралась компания для распития самогона. В это время у Б. начались схватки, и она в соседней комнате родила жизнеспособную девочку. Б. вела аморальный образ жизни, ребенка иметь не хотела, на учет в женскую консультацию не встала, предметы ухода за ребенком не готовила, она предложила П. умертвить младенца. П., согласившись, бросила новорожденную в ведро с водой и вылила содержимое ведра в выгребную яму надворного туалета.

Следует отметить, что, как правило, убийства новорожденных происходят по месту их рождения, так как при родах вне помещения достаточно трудно скрыть сам факт появления на свет младенца, от которого женщина хочет избавиться. Однако, как показывают исследования, окружающие обычно догадывались о беременности виновной, но сами роды проходили незаметно для них.

Встречаются случаи рождения и убийства новорожденных и вне помещений, на улице.

П., состоя в браке и имея двоих несовершеннолетних детей, вновь забеременела, но решила ребенка умертвить из-за неприязненных отношений с мужем. С этой целью она ото всех скрыла свою беременность, на учет в медучреждение не встала и продолжала ходить на работу. Зимой по дороге с работы домой

на улице она родила жизнеспособного мальчика. С целью убийства П. оставила мальчика на морозе в том месте, где родила его, и ушла домой. Смерть ребенка наступила от действия низкой температуры.

По времени суток убийства младенцев распределяются следующим образом: в период с 22 до 6 часов совершаются 54 % убийств, с 7 до 12 часов — 21 %, с 13 до 18 часов — 22 %, с 19 до 21 часа — 3 %, т.е. основная масса детоубийств совершается с 22 до 6 часов.

По временам года основное количество убийств новорожденных падает на весеннюю пору и доходит до 37 % от общего количества убийств данной категории. На зимний период приходится 25 %, на летний и осенний — по 19 % подобных убийств.

Способы совершения убийств новорожденных различны: удушение (36 %), выставление на холод (27 %), утопление (21 %), ранение (9 %), иное (6 %). Достаточно редко встречается отравление ребенка (1 %). Для сравнения — данные 1970-х гг.: удушение — 48 %, утопление — 21,6 %. Таким образом, если судить по изученным уголовным делам, основным способом убийства новорожденных является удушение, реже — утопление и выставление на холод, еще реже — иные способы, совершенные путем как действия, так и бездействия.

Например, Н., имея мужа и троих малолетних детей, вновь забеременела, скрыв это ото всех, решила убить новорожденного. Родив семимесячного жизнеспособного мальчика, Н. нанесла ему два удара кулаком по голове, причинив переломы лобной и теменной кости, отчего младенец умер. После этого Н. положила труп ребенка в полиэтиленовый пакет и выбросила в выгребную яму туалета соседей.

К., имея мужа и двоих несовершеннолетних детей, вновь забеременела. В связи с тем, что родственники и муж упрекали ее за очередную беременность и не хотели, чтобы она рожала ребенка, К. после рождения в домашних условиях девочки не перевязала пуповину, не стала оказывать никакой помощи ребенку. В результате бездействия младенец скончался.

В большинстве случаев какие-либо орудия и средства для умерщвления детей не применяются, что связано со слабостью и беззащитностью новорожденных. В тех же случаях, когда виновные применяют средства для убийства, они не отличаются технической сложностью и не требуют особых трудов для их приискания и приспособления. В 9 % случаев

орудием убийства являлся нож, в остальных же — иные средства, в первую очередь куски ткани от одежды и пеленки для удушения. Отметим случай использования резиновой перчатки, которая была надета на голову ребенка с целью убийства.

Хотя уголовное законодательство берет под особую охрану жизнь неродившегося человека (например, убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, квалифицируется как убийство при отягчающих обстоятельствах, влекущее более строгое наказание, и т.д.), при убийстве женщиной своего новорожденного ребенка центр защиты словно перемещается с пострадавшего на виновное лицо. Это, видимо, связано с тем, что женщина считается как бы вынужденной внешними обстоятельствами сделать это и к тому же находится в особом психическом состоянии. У ребенка же нет реальной защиты. Женщина, убивающая своего новорожденного ребенка, оказывается заслуживающей снисхождения: общество чувствует и бессознательно пытается загладить свою вину перед ней. О несчастном ребенке практически забывают.

Символично, что по 78 % изученных уголовных дел об убийствах новорожденных никто не признавался потерпевшим, по остальной части ими признаются родственники. Кроме того, в 63 % случаев виновные приговаривались судами к мере наказания, не связанной с лишением свободы. И только в 37 % случаев убийцы младенцев приговаривались к реальной мере наказания в виде лишения свободы (не выше 5 лет).

Сравнивая эти показатели с анализом эффективности уголовно-правовых мер борьбы с детоубийствами, проведенным А. К. Звирбулем в 1960-х гг., можно заметить смягчение наказаний, назначаемых виновным за эти преступления в последние годы.

Так, в 1963 г. в РСФСР 64 % детоубийц были осуждены к лишению свободы на срок более 3 лет (в том числе 21 % — на срок более 5 лет); 34 % детоубийц получили наказание ниже низшего предела — менее 3 лет. При этом из числа женщин, осужденных на срок более 3 лет, 64 % были помилованы и освобождены в течение первого года отбывания наказания, а 36 % — на втором и третьем году¹⁹.

Анализируя современное состояние практики судов по смягчению наказания за детоубийство, нельзя не заметить обратную связь с увеличением количества таких убийств. Следовательно, наказание не выполняет своего предназначения по общей превенции убийств младенцев, а уголовный закон не способствует ей. Однако задачи частной превенции, видимо, все-таки решаются: по нашим данным, подавляющее большинство женщин, осужденных за убийство новорожденных, после отбывания наказания не совершают в дальнейшем ни детоубийств, ни иных преступлений.

В наше время, в условиях практически полного отсутствия системы профилактики убийств новорожденных и тем более смягчения ответственности за этот вид преступлений, происходит их рост при высоком уровне латентности. Остановить его необходимо.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. — М. : Юрист, 1994. — 216 с.
2. Гернет М. Н. Детоубийство : сравнительно-юридическое исследование. — М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. — 346 с.
3. Горелик И. И. Ответственность за оставление в опасности. — М. : Госюриздат, 1960. — 72 с.
4. Гродзинский М. М. Преступления против личности : Текст и комментарий ст. 142—165, 172—179 Уголовного кодекса. — М. : Право и жизнь, 1924. — 68 с.
5. Дьяченко А. П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений. — М. : Изд-во Акад. МВД России, 1995. — 68 с.
6. Жижиленко А. А. Преступления против личности. — М. : ГИЗ, 1927. — 140 с.
7. Звирбуль А. К. Расследование и предупреждение детоубийств : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1969. — 15 с.

¹⁹ См.: Звирбуль А. К. Расследование и предупреждение детоубийств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. С. 90—118.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Наумова. — М. : Юрист, 1996. — 824 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. — М. : Вердикт, 1997. — 647 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. — М. : Инфра-М ; Норма, 1996. — 592 с.
11. Курс советского уголовного права / под ред. А. А. Пионтковского. — М. : Наука, 1971. — Т. 5. — 516 с.
12. *Побегайло Э. Ф.* Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1965. — 206 с.
13. *Познышев С. В.* Особенная часть русского уголовного права. — М. : Университетская типография, 1905. — 407 с.
14. *Рашковская Ш. С.* Советское уголовное право : Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Часть Особенная / под общ. ред. А. Н. Васильева. — М., 1959. — Вып. 4. — 77 с.
15. *Рязанцев С.* Танатология — наука о смерти. — СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994. — 384 с.
16. *Сафуанов Ф.* Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. — 1998. — № 3. — С. 29—31.
17. *Таганцев Н. С.* О преступлениях против жизни по русскому праву. — СПб. : Типография И. Мордуховского, 1873. — Т. 2. — 324 с.
18. *Тайбаков А., Погодин О.* Убийство матерью новорожденного ребенка // Законность. — 1997. — № 5.
19. *Уолкер А. Э.* Смерть мозга. — М. : Медицина, 1988. — 288 с.
20. *Шаргородский М. Д.* Преступления против жизни и здоровья. — М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 511 с.
21. *Шарипова Г.* Уголовная ответственность за детоубийство по УК УзССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1987. — 16 с.

Материал поступил в редакцию 23 ноября 2017 г.

NEWBORN CHILD MURDER COMMITTED BY HIS MOTHER: CRIMINAL LEGAL AND CRIMINOLOGICAL PROBLEMS

ANTONYAN Yuriy Miranovich — Honored Scientist of the Russian Federation Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Professor of the Moscow State Regional University
antonyaa@yandex.ru
121530, Russia, Moscow, ul. Narvskaya, d. 15A

GONCHAROVA Maria Vitalievna — Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher at the All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia
maria-g2009@yandex.ru
121069, Russia, Moscow, ul. Povarskaya, 25

KURGUZKINA Elena Borisovna — Doctor of Law, Professor at the Central Branch of the Russian University of Justice
torbagan1@mail.ru
394006, Russia, Voronezh, ul. 20-letiya Oktyabrya, d. 95

Abstract. *The authors research criminal law issues, special attention is given to the reasons for the newborn child murder by the mother with the assumption that the cause of this crime is the mother lacking maternal instinct which is biological in nature and is a necessary condition for the continuation of the human race. The data characterizing the identity of the perpetrators and circumstances of the perpetrated crimes are provided. External circumstances, which act as conditions inducing women to commit such an act are outlined. Among these circumstances are: the condemnation by relatives and friends, lack of housing and income, and other circumstances allegedly impeding*

the implementation of maternal functions. All these circumstances are appreciated in the criminological value as conditions. The authors select socio-demographic data on the identity of women who killed newborns, some of these data are presented in dynamics. Also the state of the mentioned murders is provided in dynamics.

Keywords: *newborn child murder by his mother, motives of newborns homicide, causes of newborns homicide and conditions promoting them, maternal instinct, unconscious in the psyche.*

REFERENCES

1. *Borodin, S.V.* Responsibility for Murder: Classification and Punishment under Russian Law. — M.: Lawyer, 1994. — 216 p.
2. *Gernet, M.N.* Infanticide. Comparative Legal Research. — M.: Printing House of the Emperor Moscow University, 1911. — 346 p.
3. *Gorelik, I.I.* Responsibility for Leaving in Danger. — M.: Gosyurizdat, 1960. — 72 p.
4. *Grodzinskiy, M.M.* Crimes against Person: Text and Commentary of article 142—165, 172—179 of the Criminal Code. — M.: Publishing House "Law and Life", 1924. — 68 p.
5. *Dyachenko, A.P.* Criminal Legal Protection of Citizens in the Sphere of Sexual Relations. — M.: Publishing House of the Ministry of the Interior of Russia, 1995. — 68 p.
6. *Zhizhilenko, A.A.* Crimes against Person. — M.: GIZ, 1927. — 140 p.
7. *Zvirbul, A.K.* Investigation and Prevention of Infanticide: Candidate Degree Thesis (Legal Sciences). — M., 2015. — 264 p.
8. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / A.V. Naumov (Ed.). — M.: Lawyer, 1996. — 824 p.
9. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / V.I. Radchenko. — M.: Verdict, 1997. — 647 p.
10. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Special Part / Yu.I. Skuratov, V.M. Lebedev. — M.: INFRA-M-Norma, 1996. — 592 p.
11. The Course of the Soviet State Law. A.A. Piontkovsky. Vol. 5. — M.: Nauka, 1971. — 516 p.
12. *Pobegailo, E.F.* Premeditated Murder and Fight against them. Criminal Legal and Criminological Research. — Voronezh: Publishing House of Voronezh University Press, 1965. — 206 p.
13. *Poznyshev, S.V.* Special Part of the Russian Criminal Law. — M.: University Printing House, 1905. — 407 p.
14. *Rashkovskaya, S.S.* Soviet Criminal Law: Crimes against Life, Health, Freedom and Dignity. Special Part. Vol. 4. / A.N. Vasiliev — M., 1959. — 77 p.
15. *Ryazantsev, S.* Thanatology — Science of Death. — SPb.: The East European Institute Of Psychoanalysis, 1994. — 384 p.
16. *Safuanov, F.* Examination of Mental State of the Mother Accused of Murdering her Newborn Child // Russian Justice. — 1998, No. 3. — P. 29—31.
17. *Tagantsev, N.S.* Crimes against Life under the Russian Law. — SPb.: I. Mordukhovskiy Printing House, 1873. Vol. 2. — 324 p.
18. *Taibakov, A., Pogodin, O.* Newborn Child Murder by his Mother // Legality. — 1997, № 5. — P.16—17.
19. *Walker A.E.* Brain Death. — M.: Medicine, 1988. — 288 p.
20. *Shargorodskiy M. D.* Crimes against Life and Health. — M.: Law Publishing House of the USSR Ministry of Justice, 1948. — 511 p.
21. *Sharipova, G.* Criminal Responsibility for Infanticide in the Uzbek Soviet Socialist Republic Criminal Code: Candidate Degree Thesis (Legal Sciences). Abstract. — M., 2015. — 16 p.